

но тутъ послѣдовало вторичное повелѣніе государыни—безъ всякихъ отговорокъ прибыть немедленно. Бестужевъ поѣхалъ, но едва у крыльца дворцоваго подѣзда вышелъ изъ коляски, какъ ему была объявлена немилость государыни; у него отняли шпагу и препроводили въ собственный домъ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться подъ строгимъ карауломъ. Назначили слѣдственную комиссію изъ фельдмаршаловъ—князя Никиты Трубецкаго и Бутурлина и графа Александра Шувалова, начальника тайной канцеляріи; секретаремъ этой комиссіи былъ Волковъ, чловѣкъ долго покровительствуемый Бестужевымъ и пользовавшійся его довѣріемъ. Разомъ съ Бестужевымъ арестовали Одадунова, бывшаго наставника великой княгини въ русскомъ языкѣ, Елагина, бывшаго адъютантомъ у графа Алексѣя Разумовскаго, большого пріятеля Понятовскому, и брилліанщика Бернарди, ловкаго италіянца, постоянно бѣгавшаго по знатымъ домамъ съ порученіями. На другой же день послѣ своего ареста, черезъ управлявшаго голштинскими дѣлами великаго князя, Штамбе, Бестужевъ далъ знать Екаторинѣ, чтобъ она ничего не опасалась—что все сожжено: онъ разумѣлъ проектъ свой. Дѣйствительно, въ пересмотрѣнныхъ его бумагахъ этотъ проектъ не былъ найденъ, хотя всѣ, и даже сама императрица, знали о томъ, что канцлеръ составлялъ его. Бестужевъ условился съ Штамбе впередъ вести переписку, а записки класть въ груду кирпичей, находившуюся возлѣ дома, гдѣ содержался арестованный Бестужевъ. Но вскорѣ переписка была открыта: схваченъ былъ музыкантъ, приходившій класть записку въ кирпичи.

Бестужеву въ комиссіи задавали такіе вопросы: зачѣмъ онъ искалъ предпочтительно милости у великой княгини, а не у великаго князя? Зачѣмъ скрывалъ отъ императрицы переписку, которую вела великая княгиня съ Апраксинымъ? Допрашивали, кромѣ того—что значитъ написанный имъ и открытый въ грудѣ кирпичей совѣтъ великой княгинѣ „поступать смѣло и бодро съ твердостью и помнить, что подозрѣніями ничего доказать нельзя“. Бестужевъ отвѣчалъ, что онъ особой милости у великой княгини не искалъ,—напротивъ, пока великая княгиня была предана прусскому королю, онъ вскрывалъ ея письма, но потомъ это оказалось излишнимъ, потому что великая княгиня возненавидѣла прусскаго короля; въ письмахъ ея къ Апраксину предосудительнаго ничего не было, и въ такомъ смыслѣ онъ писалъ къ великой княгинѣ, что одними подозрѣніями ничего доказать нельзя. Проекта о престолонаслѣдіи никакъ не отыскиали, и, не имѣя въ рукахъ этого документа, который могъ служить доказательствомъ